

9234

НОВГОРОД И НОВГОРОДСКАЯ ЗЕМПЯ

ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

ВЕЛИКИЙ НОВГОРОД • 2004

кой (по раскопкам 1953 года) // Археологические раскопки в районе Змейской Северной Осетии. Ордженикидзе. 1961; Кузнецов В. А. Змейский катакомбный могильник (по раскопкам 1957 г.) // Там же. Табл. VI; XI: 9-15.

⁴The Ancient Hungarians. Exhibition Catalogue. Budapest. 1996. С. 50, 101.

А. В. Козлова

УКРАШЕНИЯ РЕМНЯ, СБРУИ И СУМОК ВОСТОЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ ИЗ РАСКОПОК В ВЕЛИКОМ НОВГОРОДЕ*

Предметом этой работы явились некоторые виды украшений ремня, сбруи и сумок, найденные в культурном слое Великого Новгорода и Рюрикова Городища. Эти накладки из раскопок Великого Новгорода рассматривали такие исследователи, как М. В. Седова, В. В. Мурашева, К. А. Михайлов¹. Эти находки упоминаются во многих обобщающих работах, в публикациях материалов раскопок.

Временной диапазон материала – со второй половины X века по XV век. Датируются находки по времени попадания в слой, а в статье рассматриваются в хронологическом порядке. При изучении этой группы находок главной проблемой является сложность культурной атрибуции каждого экземпляра из-за высокой скорости распространения и восприятия традиции производства такого рода изделий. Трудность также в том, что на данный момент очень непросто различить ременные и сбруйные накладки, поэтому название каждой находке дается предположительно.

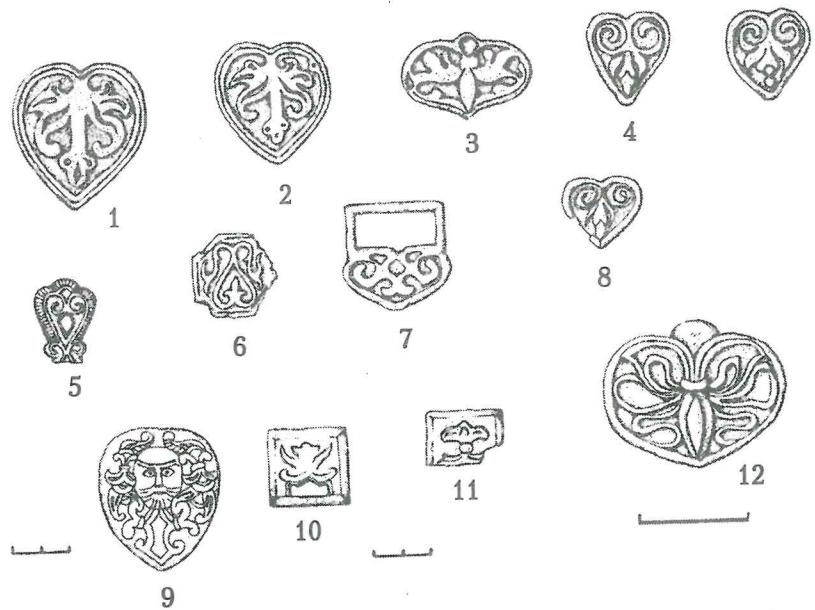
Самый ранний экземпляр рассматриваемых накладок датируется серединой X века и происходит из материалов Неревского раскопа в 1953 году (Рис. 1)². Это накладка-буенец на оголовье лошади, так называемая решма каплевидной формы. Выполнена она в технике рельефного литья с напаянным ушком (ремонт?). В центре находится горельефное изображение лица мужчины. У него на голове обозначен шлем или прическа. Особое внимание мастер уделил его бороде, в ок-

Р и с. 1. Решма

руг портретного изображения расположен пышный симметричный растительный декор. Этот экземпляр был атрибутирован М. В. Седовой как привеска, явившаяся славянской переработкой скандинавской традиции³. Однако, К. А. Михайлов в своей статье «Центрально-азиатские ременные украшения в материалах древнерусских памятников X века» отмечает, что данная находка является одной из модификаций блях-решм, распространенных на территории от Китая до Венгрии. Такие изделия относятся к кругу традиций тюхтятской культуры енисейских кыргызов периода «великодержавия». Они появляются в сибирских памятниках VII–VIII веков⁴. Аналогии таким изделиям были найдены в древностях северо-западной Монголии и Тувы до Минусинской котловины и Восточного Казахстана, точно такой же экземпляр найден в Гнездово⁵.

Наиболее вероятной на данный момент является версия о сибирском происхождении такого рода вещей и возможной переработке

Р и с. 2. Криновидные накладки

таковых местными мастерами под общие вкусы дружинного контингента евразийского пространства того времени. Об этом говорит и то, что на новгородской находке ни декор, ни форма не потеряли своего первоначального смысла и вида. Маловероятным кажется то, что европейские мастера так точно воспроизвели чужие декоративные традиции, не адаптировав их к своим условиям.

Найдка с Троицкого XII раскопа 2000 года датируется по времени попадания в слой примерно второй половиной X века (Рис. 2:1)⁶. Она имеет форму «сердца», размеры которого – 3,05 на 3,4 см. Ее толщина – 0,24 см. По краю изделия проходит двойной ободок шириной 0,23 см. Фон заглублен, борттик и изображение представляют собой сюжетное единство. Они составляют семилепестковый процветший крин, который являлся символом духовного бессмертия и плодородия уже в культурах Древнего и средневекового Востока⁷. Сюжет и сама форма изделия имеют многочисленные аналогии в материальной культуре восточных соседей Древней Руси, в том числе и Волжской Болгарии (Рис. 2:2)⁸. Точные аналогии хранятся в Казанском музее Татарской Республики, и Государственном Эрмитаже⁹. В. В. Мурашева датирует этот тип ременных накладок в целом концом X – началом XI веков, что соответствует предположительной дате новгородской находки¹⁰. Наиболее близкими территориально является поясной набор из Успенского могильника в Старой Ладоге (Рис. 2:4)¹¹. Они также крепились на штырьках, их размеры 1,9 на 2,15 см, ширина ободка – 0,2 см. Такие же накладки были найдены в курганах Гнездова, Приладожья и Ярославском Поволжье¹².

При сборе подъемного материала на Рюриковом Городище в 1974 году была найдена бронзовая поясная накладка в виде процветшего крина другого типа (Рис. 2:3)¹³. Ее размеры 1,95 на 2,9 см, ширина ободка – 0,2 см. Фон также заглублен, декор в плоском рельефе и борттик составляют единое орнаментальное целое. Однако сам крин выполнен в несколько иной манере и пропорционально ориентирован по горизонтальной оси. Такие изделия могли сочетаться в одном поясном наборе, как, например, на пояссе из 216 кургана Михайловского могильника второй половины X – начала XI веков и на половецких «бабах» того же времени¹⁴.

Что касается атрибуции этих находок, то на данном этапе исследования можно констатировать лишь восточное происхождение традиции производства и ношения такого вида ременной гарнитуры.

Следов производства «сердцевидных» накладок в северо-западных землях не найдено, но в то же время не существует и доказательств отсутствия такового.

Такие орнаментальные мотивы были популярны по всей территории Евразии на протяжении длительного времени, в том числе и в X–XI веках. Сходные элементы декора встречаются и на других изделиях из новгородской коллекции, например, на браслетах, перстнях но уже в местном осмыслении.

С Неревского раскопа 1952 года происходит ременная накладка, датируемая по времени попадания в слой 20-ми – 30-ми годами XIV века¹⁵ М. В. Седова считает, что эта категория может быть отнесена ко второй половине XIII–XIV векам (Рис. 3:1)¹⁶.

Изделие круглое, его диаметр – 1,7 см, по краю расположен ободок из «перлов», его ширина 0,2 см. Толщина изделия – 0,35 см, на оборотной стороне сохранились обломки двух штырьков длиной 0,24 см. Под словом «перлы» подразумеваются полушарные выступы, расположенные по кругу, возможно, имитирующие жемчужную обнizку. Фон заглублен, изображение выполнено в низком рельефе и занимает почти всю поверхность накладки. Контуры его нечеткие, но ясно различимо то, что это животное, стоящее на трех ногах, в то время как одна из передних поднята и подогнута.

По всей видимости, мы имеем дело с изображением копытного, так как оно имеет длинную изогнутую шею, повернутую назад маленькую головку и тонкие ноги.

Из подъемного материала с Рюрикова Городища происходит аналогичная бронзовая накладка (Рис. 3:2)¹⁷. Ее диаметр – 2,5 см, ободок «перлов» имеет ширину 0,36 см. Толщина изделия – 0,38 см, длина двух крепежных штырьков – 0,2 см. Фон также заглублен, изображе-

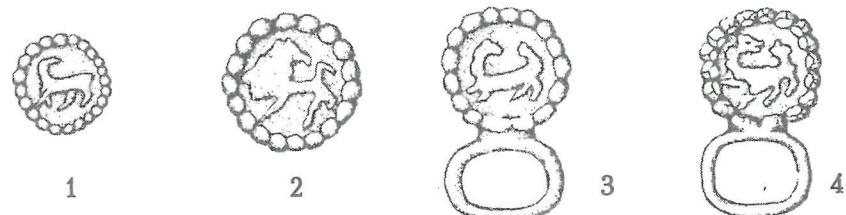

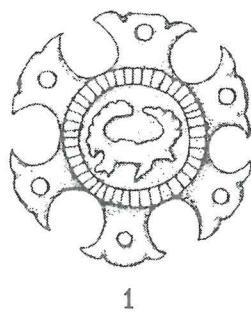
Рис. 3. Накладки со «зверем в перлах»

ние занимает всю плоскость и выполнено в низком плоском рельефе. Контур по большей части не читается. Различимы только длинные тонкие ноги. Исходя из этого, можно предположить, что изначально декор был аналогичен описанному выше.

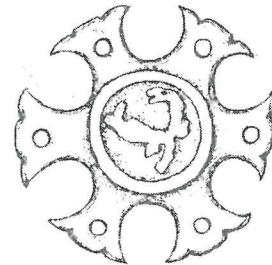
В. В. Мурашева считает, что производство таких изделий было налажено в городских ремесленных центрах Волжской Болгарии, и датирует эту категорию накладок концом XIII – началом XIV веков¹⁸. При раскопках волжско-болгарских памятников было найдено большое количество таких вещей с изображением животного, в основном, лошади¹⁹. Накладки пояса самой разной формы со «зверем в перлах» были найдены в древностях Средней Азии и Сибири²⁰. Этот сюжет был очень популярен у древнего кочевого населения евразийских степей, а оседлое население поволжских городов его органично унаследовало. Это позволяет констатировать высокую степень вероятности того, что и на рассмотренных находках тоже изображена лошадь.

В слоях середины XIV века на Никитинском раскопе были найдены два изделия этого облика: две парные ременные петли (Рис. 3:3-4)²¹. Их размеры соответственно: диаметр – 2,2 и 2,3 см, длина вместе с петлей – 3,8 и 3,9 см. Они крепились к ремню одним штырьком, длина которого составляла примерно 0,65 см. Последняя выполнена более небрежно, но все же вполне пригодна для использования.

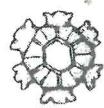
Сложность состоит в том, что эта категория находок имеет огромный ареал распространения и помимо Волжской Болгарии могла производиться и в других центрах. В том случае, если мы имеем дело с отливкой по болгарской литейной форме, ничего по поводу происхождения находки утверждать нельзя.

1

2

3

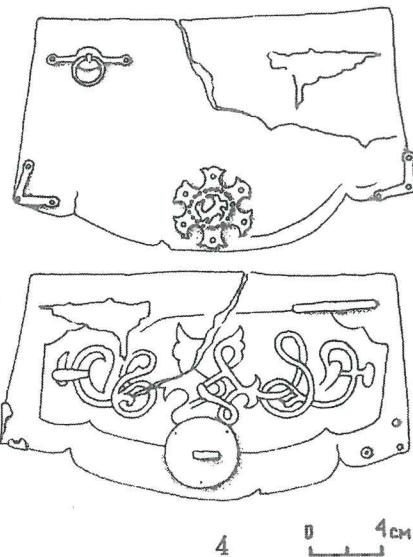
Р и с. 4. Птицеголовые накладки со зверем

Особый интерес представляют собой накладки в виде шестилепестковой розетки из культурного слоя Новгорода. Первая из них была найдена при работах в 1959 году на Неревском раскопе. Она датируется периодом с середины 80-х годов XIV века по первое десятилетие XV века (Рис. 4:1)²². Максимальный диаметр изделия – 4,6 см, толщина изделия – 0,13 см. С обратной стороны накладка имеет бортик высотой – 0,45 см. В каждом «лепестке» расположено отверстие, по всей видимости, для нашивания, диаметром 0,2 см. В центре изделия помещен накладной декор. Это круг диаметром 2 см с рифленым ободком шириной 0,3 см. Он укреплен на накладке тремя заклепками.

Что касается формы находки, то каждый «лепесток» представляет собой нечто подобное птичьей головы с двумя кловами и отверстием вместо глаза. В центре накладного круга находится изображение некоего животного с поднятым хвостом и повернутой назад головкой. Схематично обозначена грива и шерсть на хвосте зверя.

Вторая находка происходит из подъемного материала (Рис. 4:2)²³. Она аналогична первой, но сохранность в данном случае хуже. Ее диаметр – 4,85 см, диаметр отверстий в «лепестках» – 0,3 см. В целом она чуть крупнее первой, ее толщина – 0,17 см, диаметр накладного круга в центре изделия – 2,2 см, толщина ободка, который в этом случае гладкий – 0,25 см.

Декор укреплен на основном корпусе изделия заклепками. Изображение сохранилось хуже, чем первой накладке. Часть его утрачена, не читаются задние ноги и часть хвоста зверя. Обозначен глаз животного и длинная шерсть на шее (грива) и хвосте. Вполне возможно, что это либо полиморфное существо, либо лошадь, либо волк. Л.Ф. Недашковский полагает, что

Р и с. 4. Птицеголовые накладки со зверем

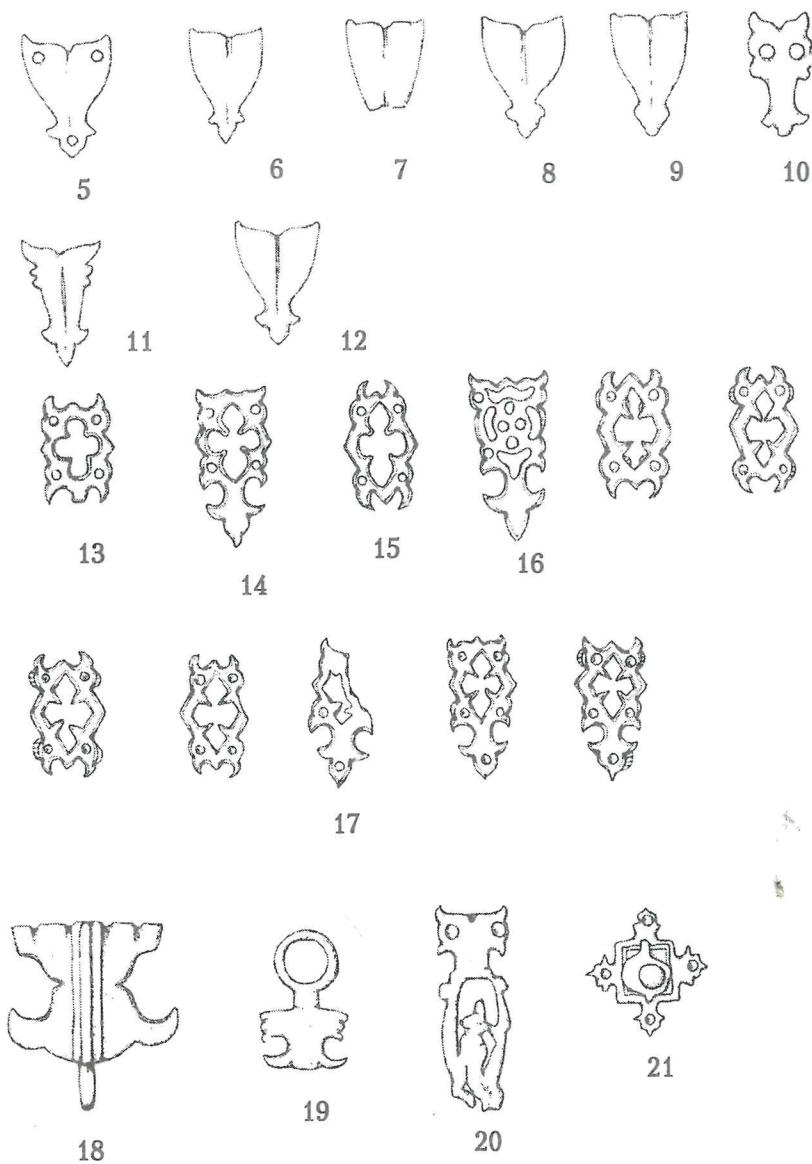

Рис. 4. Птицеголовые накладки со зверем

прототипом подобному изображению являлся волк на таких же по форме среднеазиатских накладках. Он их датирует XIII–XIV веками, считая, что из Средней Азии этот тип украшений пояса монголы привнесли в поволжский регион и далее²⁴.

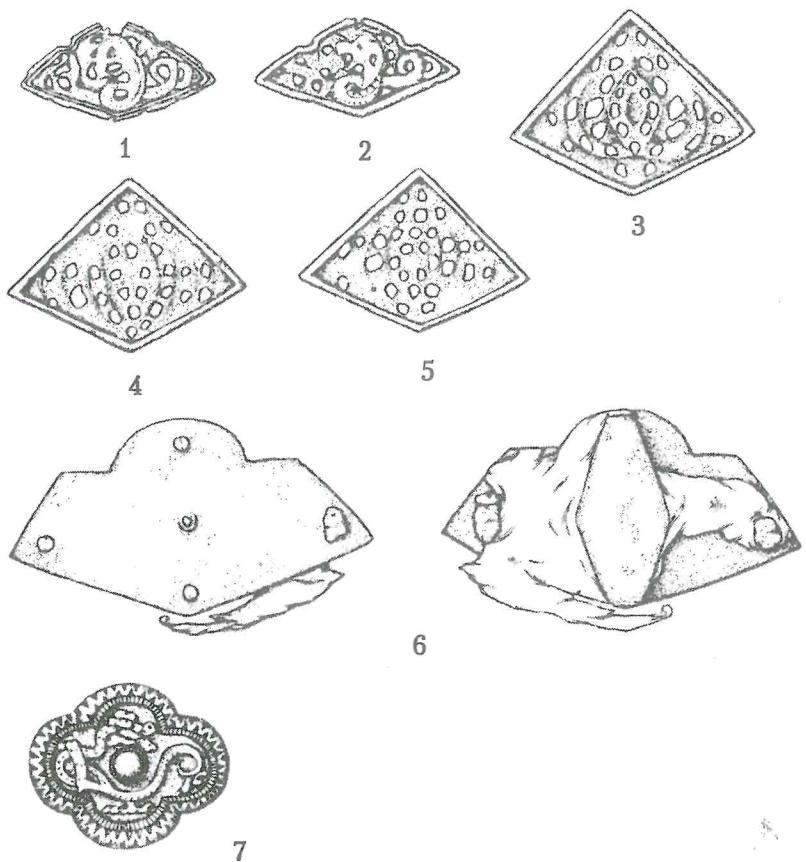
Третья такая накладка сохранилась на клапане сумки тисненой кожи с Нутного раскопа (Рис. 4:4)²⁵. Она является лицевой частью замка. Этот факт позволяет предположить, что две другие накладки могли выполнять схожую функцию. В центре накладки также расположен такой же зверь. Ободок у сюжетной композиции из «перлов», как и выше рассмотренной группы накладок. Данная находка датируется промежутком времени с 1364 по 1390 год. Она единовременна «перлам», что еще раз подтверждается ее оформлением: зверем в центре композиции и декоративным ободком из полушарных выступов.

Такие же накладки были в большом количестве найдены в древностях Поволжья, в курганных могильниках у хутора Сенного и у Царевского городища, в других погребальных памятниках и в городских центрах²⁶.

В средневековых памятниках этого региона были найдены аналогии «птичим головам» на накладках²⁷. Ареал таких находок весьма обширен: от Средней Азии до Скандинавии.

В новгородской коллекции есть группа из более чем пятидесяти накладок с такими сдвоенными «птичьими головами», которую в общем можно датировать XIV веком (Рис. 4:5-21)²⁸. Их коллекция постоянно пополняется. Большое количество точно таких же накладок было найдено в крупных городских центрах Поволжья²⁹. Вероятно, их массово производили в ордынских землях, но такое производство могли наладить и в городах Руси. Таким образом, исходя из рассмотренных выше данных, можно заключить, что новгородские находки относятся к популярной традиции поясных украшений XIII–XIV века, распространенной на большой территории, от Алтая до Балтики.

На огромной территории распространилась в золотоордынское время такая категория ременных накладок, как пятиугольные (они же ромбические или лотосовидные). Украшения такой же формы производили на клапан кочевнической сумки, они были примерно в два раза больше поясных блях такого типа. Накладки эти делали в основном из бронзы и железа, они литые, ажурные. Условно ареал можно очертировать в пределах территории от Скандинавии до Южной Сибири включительно. В рассмотренном материале были обнаружены две

Р и с. 5. Ромбовидные накладки со змеей

накладки этого типа. Обе они происходят с Рюрикова Городища из подъемного материала, что делает на данном этапе абсолютную датировку категории в пределах интересующей нас территории невозможной.

Первая находка попала в одну из коллекций, ставших впоследствии частью фонда Государственного Исторического Музея (Рис. 5:1)³⁰. Ее размеры – 4,7 на 2,35 см. По краю расположен ободок, с шириной 0,2 см. Толщина накладки – 0,3–0,43 см, она изогнута, с выпуклой серединой. Изделие ажурное, одностороннее, крепилось оно

на четырех штырьках: их длина – 0,5 см., они загнуты внутрь. Верхний угол отломан, видимо, именно так бляшка была потеряна: что-то зацепилось за ее острый край и вырвало крепление из кожи.

Изображение читается плохо, но очевидно, что это змей с поднятой подчеркнуто крупной головой и свернутым в две петли хвостом. Пасть у нее открыта, язык высунут, по голове, шее и спине проходит гребень. Композиция подчинена форме накладки, что вообще характерно для декоративно-прикладного искусства Востока.

Следует отметить, что изделие выполнено тщательно, отполировано после литья. Материал – темная бронза.

Вторая находка сохранилась лучше первой (Рис. 5:2)³¹. Ее размеры – 4,5 на 2,2 см. Она тоже литая, ажурная, односторонняя, выполнена также очень тщательно. Толщина накладки – 0,2–0,39 см, изделие изогнуто. По краю находится ободок шириной в 0,22 см. Верхний угол отломан вместе со штырьком, остальные три имеют в длину 0,5 см. Изображение представляет собой достаточно четко очерченную фигуру змеи (хотя правильнее ее назвать «мифическая змей») с поднятой большой головой, открытой пастью и длинным высунутым языком. По всей длине змей обозначен гребень, даже на завитках хвоста. Акцент был сделан на крупном удлиненном глазе. Следует заметить, что сохранность изделий не позволяет утверждать отсутствие или наличие декоративного фона вокруг змеи.

Такая категория накладок встречается часто в материале волжских городов: Болгара, Биляра, Укека и Нового Сарай³². На нескольких изображение не читается, но чаще всего это змей, дракон или иное полиморфное существо. Многие находки этого региона рассмотрены в работах о конкретных памятниках: о Зауморском могильнике золотоордынского времени, о могильнике у села Усть-Курдюм в Волгоградской области, у города Аткарска, о Царевском городище³³.

Ромбические накладки были найдены на Дону и на Северном Кавказе, в кабардинских курганных могильниках. Такая же накладка есть в золотом поясном наборе из погребения нойона у урочища Гашун-Уста 1227–70-х годов и в Средней Азии, в погребениях монгольских воинов начала XIV века. Даже в Скандинавии были встречены подобные экземпляры. Серебряная бляха со свернувшимся в кольцо драконом была найдена в кургане 8, у села Малеевка Ленинского района³⁴.

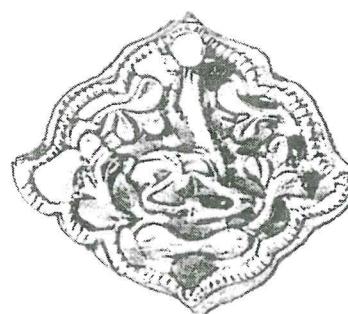
Форма накладок была очень популярна и в торевтике Востока,

в том числе и Золотой Орды. Она точно соответствует контуру медальонов на серебряном кубке конца XIII – первой половины XIV веков из Тобольской губернии. Эти изделия повторяют форму тяньшанского-южносибирских изделий XII–XIV веков³⁵.

Считается, что традиция таких накладок была принесена монголами из Сибири, а после этого развились и распространились на огромной территории³⁶. Одновременно эта форма в цветном и черном металле, а также в кости существует на Алтае, в Персии и Месопотамии, на территории Волжской Болгарии и в русских землях³⁷.

Что касается декора обеих новгородских накладок, то если бы не отсутствие лап, можно было бы с полной уверенностью говорить о сюжете с драконом, который на тот момент был в Орде общеимперским геральдическим символом. М. Г. Крамаровский считает, что превращение фантастического хищника в змею на поясах связано с местом их владельцев в системе воинских званий³⁸. То есть, чем ниже хозяин стоит на иерархической лестнице, тем меньше существо похоже на дракона.

По всей видимости, комплекс трех накладок из раскопок 1951 года на территории Перыни близ Новгорода относится к местным подражаниям таким накладкам (Рис. 5:3-5)³⁹. Их размеры соответственно: 5,6 на 4,2 см, 5,4 на 4,1 см и 5,31 на 3,75 см. Длина угловых

8

9

Рис. 5. Ромбовидные накладки со змеей

штырьков – 1,7 см. Все накладки выполнены из железа. Они ажурные, но не изогнуты, как их прототипы. На первой из них читается контур сложного лотоса или змеи, на остальных прорези расположены более небрежно, несимметрично. Очевидно, в тот период времени происходило постепенное забывание смысла изображения как такового, оставался лишь модный стиль исполнения.

На Никитинском раскопе была найдена подобная накладка, но уже на клапан сумки, с остатками самой сумки (Рис. 5:6)⁴⁰. Она также имеет лотосовидную форму. Ее размеры – 4,6 на 8,2 см, толщина – 0,2 см. Крепление сложное – две клепки по боковым углам, на центральных клепках закреплена широкая ромбическая пластина, служащая ответной стороной клепки, ее размеры – 4,5 на 2,1 см. Вероятно, этот экземпляр был лицевой частью замка сумки. Такой тип крепления был широко распространен в кочевнических древностях.

В рамках рассмотрения таких накладок следует упомянуть находку с берега Волхова (Рис. 5:7)⁴¹. Это подромбическая накладка со сложным рифленым бортиком. Декор выполнен в низком плоском рельефе, это изображение змеевидного дракона, с загнутой к хвосту головой. Его туловище украшено насечками, изображающими чешую. Одна лапа поднята высоко к голове, пасть открыта, язык высунут. Центром композиции является полуширный выступ (солнце?). Очевидно, что в данном случае мы имеем дело с поздним дериватом накладок с драконом, мода на которые коснулась и города Древней Руси.

В связи с рассмотренной выше категорией поясных накладок особый интерес представляет собой костяная бляшка из раскопок Новгорода, хранящаяся в Новгородском музее⁴², датированная началом XIV века (Рис. 5:9). Ее размеры – 5,5 на 5,5 см, толщина – 0,52 см. Форма изделия сложная, близкая к ромбу. Она в точности повторяет контуры уже упомянутого медальона на кубке из Тобольской губернии конца XIII – первой половины XIV веков, а также бронзовой накладке из Болгар⁴³. Эта форма близка к форме цветка лотоса, но, тем ни менее, относится к разряду ромбических или пятиугольных. По углам изделия – четыре отверстия для крепления диаметром 0,2 см. Накладка костяная, ажурная, исполнена она очень тщательно и по праву может считаться выдающимся произведением декоративно-прикладного искусства. По краю бляшки, соб-

ственno, обозначая ее форму, проходит тройной бортик шириной 0,33 см.

Композиция подчинена форме изделия, она заполняет его целиком. На ней изображен дракон в сложной геральдической позе: голова поднята и повернута назад, правая передняя лапа поднята, левой он опирается на бортик. Хвостов у полиморфного существа два, а точнее один, но раздвоенный. Один поднят вверх, второй опущен вниз после петлевидного изгиба. Изображение довольно подробное: обозначен глаз, нос, надбровье и клыки дракона, а также длинная шерсть на шее. У зверя две лапы с длинными пальцами и когтями, прямо от них начинаются небольшие крылья с отдельно моделюированными ма-ховыми перьями. От головы до кончиков хвостов по шее, брюху и хвостам проходит гребень. На накладке пояса из кургана у урочища Гашун-Уста изображена лань в точно такой позе как дракон на новгородской находке (Рис. 5:8)⁴⁴.

Близкие изображения есть на восточном серебре, неполивной керамике Самарканда и в архитектурном декоре Средней Азии, в русском материале подобных мотивов найдено не было. Двуххвостые же драконы есть на бляшке из Укека конца XIII – начала XIV веков и на гарнитуре пояса XIV века, найденной у Красноярского городища близ Астрахани⁴⁵.

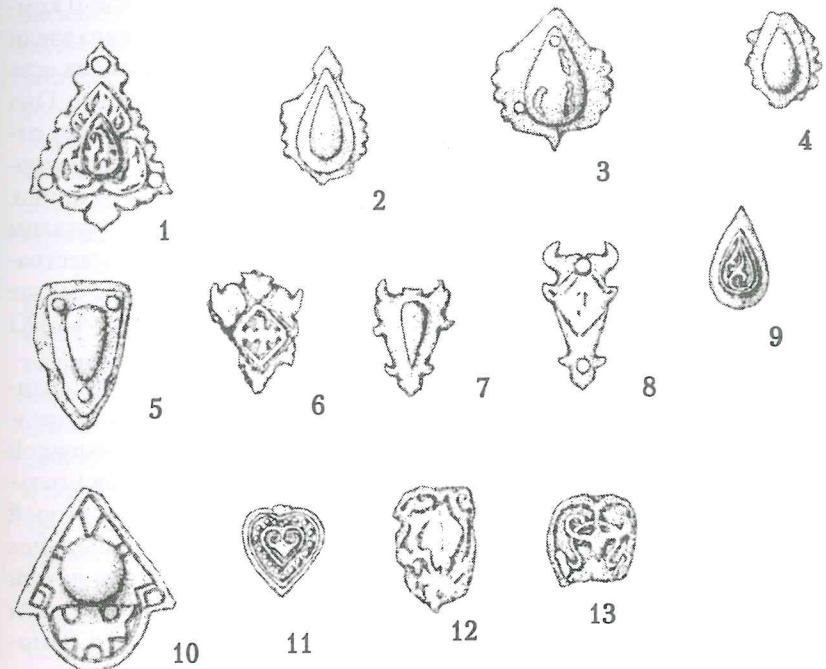
Таким образом, можно сделать вывод, что рассмотренные находки являются составной частью единой традиции, которая получила рынки сбыта от Тянь-Шаня до Скандинавии. Классических форм в Новгороде всего две, но обе они происходят с Городища, из княжеской резиденции, что закономерно, если вспомнить, что такие накладки обычны на поясах военной элиты. Что касается костяной бляшки, то в этом случае остается с большой долей уверенности утверждать ее восточное происхождение.

В 1958 году на Неревском раскопе была найдена подтреугольная фигурная поясная накладка. По времени попадания в слой датируется 80-ми – серединой 90-х годов XIV века (Рис. 6:1)⁴⁶. Ее размеры – 4 на 3 см, толщина – 0,8 см. Она выполнена из темной бронзы и отполирована после отливки. В центре изделия – выпуклая каплевидная часть, ее размеры – 2 на 2,78 см. На выпуклой части расположен стертый декор в виде пальметты. В углах – круглые отверстия для крепления, их диаметр 0,32 см. Сама форма представляет собой контур цветка-бутоня.

Вторая накладка близка первой, но, к сожалению, не подлежит абсолютной датировке, она происходит из подъемного материала (Рис. 6:2)⁴⁷. Этот экземпляр тоже сделан из темной бронзы и отполирован после отливки. Форма находки сходна с предыдущей. Ширина выпуклой середины – 1,2 см, длина – 2,2 см. Способ крепления иной – два штырька длиной по 0,26 см.

Еще один экземпляр, схожий по набору конструктивных элементов декора, также происходит из подъемного материала (Рис. 6:3). Способ крепления: два штырька и два отверстия, просверленные вторично. Отверстия расположены в узком конце каплевидной части и в левом углу изделия, то есть накладка крепилась длинной осью вдоль ремня. Но первоначально выполненные штырьки расположены оба в широкой части накладки. Таким образом, можно предположить, что изначально изделие крепилось длинной стороной поперек ремня.

Обломок сходной накладки происходит из подъемного материала

Р и с. 6. Каплевидные накладки с выпуклой серединой

ла Рюрикова Городища. Крепление представляет собой один штырек в широкой части накладки, второй, по всей видимости, был утрачен вместе с частью изделия (Рис. 6:4)⁴⁸.

Вероятно, такого рода украшения пояса были в средневековом Новгороде популярны. С Михайловского раскопа происходит накладка – обойница более простой формы, но также с выпуклой каплевидной серединой и тремя штырьками-креплениями⁴⁹. Скорее всего, это изделие, как и два, названные выше явились местным осмыслением степной традиции того времени. Возможно также, что восточные соседи Руси производили такие изделия, но в упрощенной форме, для широкого употребления.

В материале Рюрикова Городища есть прямая аналогия пальметте накладки с Неревского раскопа на выпуклой каплевидной бляшке (Рис. 6:9)⁵⁰. Это вертикально ориентированная пальметта, заполняющая всю орнаментальную зону.

Аналогии этим находкам были найдены в золотоордынском комплексе материальной культуры. В Укеке – стилистические параллели и идентичные по форме бляшки⁵¹. В коллекции В. Трофимова есть бронзовая матрица для производства накладок такой формы. Она происходит из монгольских древностей Старого Крыма. Следует отметить, что в данном случае на выпуклой каплевидной части расположена орнаментальный мотив усложненного процветшего крина, занимающий ее всю. Это изделие датировано концом XIV – началом XV веков⁵². Вероятно традиция производства таких изделий существовала несколько сот лет. Такие же по форме бляхи производили еще огузо-печенежские племена для украшения конских уборов в IX–XI веках⁵³.

Следует отметить тот факт, что размеры этих изделий приблизительно соответствуют таковым у новгородских находок. Можно предположить, что и новгородские накладки являлись бляхами ременной упряжи. Аналогичные накладки были найдены в погребении монгольского воина у станицы Белореченская на Северном Кавказе второй половины XIV–XV начала века. Там такие экземпляры располагались на наконечниках ремней или на самом ремне (длинной осью по оси ремня). В этом случае выпуклая часть тоже покрыта растительным орнаментом. Возможно, это обусловлено и формой накладок, которая сама по себе изображает цветок⁵⁴.

Также интересно то, что и новгородская находка и ее поздние ана-

логии датируются достаточно узким промежутком времени. Это, вероятно, соответствует некому «всплеску» моды на украшения данной категории. В целом можно констатировать, что рассматриваемые накладки в целом вписываются во временной и территориальный контекст такой традиции восточных соседей Руси.

Из наиболее интересных и спорных находок, имеющих отношение к данной теме, следует особо остановиться на односторонней ажурной накладке, литой из бронзы. Она была найдена в 1952 году на Неревском раскопе (Рис. 7)⁵⁵. Дата ее попадания в слой середина XV века. Способ крепления доподлинно определить не удалось, вполне вероятно, что изделие просто нашивалось на некую основу.

Накладка имеет круглую форму. Ее диаметр – 49 см., декор вписан в круг, бортики имеют ширину 0,3 см. Толщина изделия – 0,42 см. Вся внутренняя плоскость круга заполнена сюжетной композицией.

На наладке изображено двое животных, стоящих на ветке, соприкасаясь грудью с повернутыми назад головами. В центре вверху расположено «дерево жизни» из трех веток, на концах которых бутоны лотоса (?). Ветка, на которой стоят животные, изогнута слева направо, нижней частью сливаясь с бортиком, также как и отставленные назад задние ноги зверей. Дерево ограничено внизу полумесяцем, от которого вправо и влево отходят двойные ленты, к которым в свою очередь крепятся такие же вертикальные ленты, опоясывающие животных.

Поза традиционна, головы повернуты назад. Сами звери не имеют хвостов и рогов, у них раздвоенные копыта, гладкая короткая шерсть; только на груди она длиннее и обозначена насечками. Головы небольшие, с открытыми пастью, стоячими треугольными ушами и большими миндалевидными глазами. Шеи удлиненные, туловища укорочены, что объясняется требованиями композиции, формы, материала и техники изготовления. М. В. Седова полагает, что

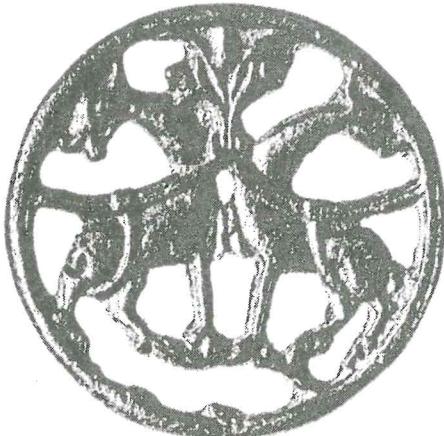

Рис. 7. Ажурная накладка с ланями

перед нами полиморфные существа, но в данном случае автору не удалось выделить ничего из необычных черт, позволявших предположить наличие фантастического компонента изображения⁵⁶. Скорее всего, это лани.

Среди сюжетных аналогий нет изображений лани, в основном это львы, птицы, волки, полиморфные существа. Такие же мотивы существовали в искусстве Золотой Орды на протяжении всего периода ее существования. Яркий пример этого – серебряные пряжки пояса XIV–XV веков из кургана у станицы Белореченская на Северном Кавказе. Тот же сюжет встречается и в древнерусском декоративно-прикладном искусстве, например, он есть на браслете-наруче из Твери. К этому сюжетному кругу относятся и грифоны серебряного ковша «монгольского» облика из Армении второй половины XIII века⁵⁷.

На золотой поясной гарнитуре из кургана у урочища Гашун-Уста, близ Ставрополя 1227–70-х годов⁵⁸ этот мотив повторяется трижды. Вообще, на воинских гвардейских поясах изображения ланей – второй по популярности сюжет после драконов. Такие пояса составляют собой особую группу, к которой относятся также золотой набор из кургана у поселения Мариенталь в Саратовской области, серебряный из могильника Таш-Башат в Таласской долине Киргизии⁵⁹.

Конкретное исполнение рассматриваемого сюжета полностью подчинено форме изделия. На наконечнике ремня в центре расположено трехчастное дерево с тремя цветками, а по обе стороны от него – две лежащие с подогнутыми ногами лани. Их головы повернуты в одну сторону, тела короткие, а шеи – дугообразно изогнуты и удлинены, как на новгородской находке.

Подобный сюжет присутствует на седельных обкладках из погребения нойона у Мелитополя первой половины – середины XIII века, сделанных из серебра⁶⁰. На них «древо жизни» изображено в виде цветка, а по обе стороны стоят пары лошадей и пары зайцев на фоне ветвей листвьев и плодов.

В этой работе были рассмотрены не все группы ременных, сбруйных и сумочных украшений из материалов раскопок Новгорода. Многие экземпляры требуют дальнейшего тщательного изучения и поиска аналогий. К сожалению, в силу того, что большая часть находок относится к поздним городским напластованиям или происходит из подъемного материала, датировка и картографирование затруднены. Часто авторы раскопок не имеют возможности тщательно изучить

сухой серый техногенный слой над средневековыми напластованиями. Поэтому скопления интересующих нас находок на плане раскопа фиксируются в тех местах, где сохранился слой XIV–XV веков, и где его внимательно исследовали.

В целом стоит отметить, что процентное соотношение накладок восточного происхождения в общей массе такого рода гарнитуры велико: примерно от 51% до 84%, в зависимости от строгости выборки.

На многие вопросы может ответить дальнейший анализ накапливаемого материала. Это в первую очередь касается находок раннего, домонгольского периода, малочисленность которых затрудняет интерпретацию.

* Доклад подготовлен в рамках проекта «Новгород Великий в системе этнокультурных связей средневековья» по Программе фундаментальных исследований Президиума РАН «Этнокультурное взаимодействие в Евразии».

¹ Седова М. В. Ювелирные изделия Древнего Новгорода X–XV веков М., 1981; Мурашева В. В. Древнерусские поясные наборные украшения X–XIII веков М., 2000; Михайлов К. А. Центрально-азиатские ременные украшения в материалах древнерусских памятников X века // ННЗ. Вып.8 Новгород, 1997.

² НГМ КП 25293/A5-86.

³ Седова М. В. Ювелирные изделия Древнего Новгорода // Декоративно-прикладное искусство Древнего Новгорода. Художественный металл М., 1996. С. 415.

⁴ Михайлов К. А. Указ.соч. С. 252–254; Клеменц Д. Древности Минусинского музея Томск, 1886 т. IX, 10.; Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири М., 1951. С. 552–553; Михайлов К. А. Указ.соч. С. 253.

⁵ Salmyon A. Eine chinesische Schmuckform und ihre Verbreitung in Eurasien // ESA. В. IX Hels., 1934. S. 321–334; Кирпичников А. Н. Снаряжение воина и верхового коня на Руси IX XIII веков Л., 1973. С. 21–22; Кызласов Л. Р., Король Г. Г. Декоративное искусство хакасов как исторический источник М., 1990. С. 126–127; Евтохова Л. А. Археологические памятники енисейских кыргызов Абакан, 1948. Рис.142–144.

⁶ 22-1399.

⁷ Лелеков Л.А. Искусство Древней Руси и его связи с Востоком (к постановке вопроса) // Древнерусское искусство. Зарубежные связи М., 1978. С. 81.

⁸ ГИМ, № 54746, 58456; ГМТР № 6372, 5711, 5363.

⁹ ГМТР №7719 и №7719-13; ГЭ, коллекция 588 № 50.

¹⁰ Мурашева В.В. Указ. соч. С. 44, 85. Рис. 60.

¹¹ НГМ №10957

¹² Недошивина Н. Г. Михайловский могильник // Ярославское Поволжье X–XI веков М., 1963. С. 31. Рис.17:1; Мальм В. А. Поясные и сбруйные украшения // Ярославское Поволжье X–XI веков М., 1963. С. 67. Рис. 38:1; Бранденбург Н. Е. Курганы Юго-Восточного Приладожья Спб., 1906. Табл.VI.

¹³ НГМ КП 25402/A26-264.

¹⁴ Недошивина Н. Г. Указ.соч. С. 31. Рис. 17:1; Плетнева С. А. Половцы М., 1990.

¹⁵ 10-15-130; НИАМ 5А-55, 10412.

¹⁶ Седова М.В. Указ.соч. С.146.

- ¹⁷ ГИМ оп.79. №14
- ¹⁸ Мурашева В.В. Указ. соч. С. 46.
- ¹⁹ ГМТР, №7719; ГИМ № 25996.
- ²⁰ Распопова В.И. Поясной набор Согда VII–VIII веков // СА 1965. № 4. Рис. 2:3; Дмитриева Е. Н. Левашева В. П. Материалы из раскопок сибирских бугровщиков // СА 1965. № 2. Рис. 3:10.
- ²¹ 23–14, № 92, 24–162, № 172.
- ²² 7/6-6-1983; НГМ КП 25293/а3-74.
- ²³ НГМ КП 34232/A94-410.
- ²⁴ Недашковский Л.Ф. Золотоордынский город Укек и его округа М., 2000. С. 95. Рис. 6:8.
- ²⁵ Нут.12–56; НГМ КП 1364/90; Мамонтов В.И., Ситников А.В. Средневековые погребения Царевского курганныго могильника // ДВДС. Вып. 3. Волгоград, 1998. С. 199–200. Рис. 8:4. С. 116, 123. Рис. 3:2; Полякова Г.Ф. Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар. Ремесло кузнецов, металлургов и литейщиков Казань, 1996. С. 212, 221. Рис. 68:20; Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов М., 1966. С. 49. Рис 8; Федоров-Давыдов Г. А. Золотоордынские города Поволжья М., 1994. С. 192. Рис. 42,12.
- ²⁶ Арзютов Н. К. Материалы по археологии поздних кочевников Нижнего Поволжья (из раскопок 1923 года) Саратов, 1929. С. 7. Рис. 7.
- ²⁷ ГМТР №7719; ГИМ № 58456; Недашковский Л.Ф. Указ. соч. Рис.6:11-13, 38; Кызласов И. Л. Кыпчаки и восстания енисейских племен в XIII веке // СА 1980. № 2. С. 95. Рис. 8; Нагоев А. Х. Кабардинские курганные могильники у села Чегем II // Северный Кавказ в древности и средневековье М., 1980. С.159. Рис.1; Максимова А. Г. Погребение воина XIV века // Вестник АН КазССР № 6 Алма-Ата 1965. С. 86. Рис.1; Пугаченкова Г. А. Погребение монгольского времени в Халчаяне // СА 1967. № 2. С. 255. Рис. 3; Готтенрот Ф. История внешней культуры, одежды, домашняя утварь, полевые и военные орудия народов древних и новых племен СПб., 1911. Табл.28.
- ²⁸ КП 34232/A94-179; КП 37932/A135-16; КП 41321/42; КП 25402/A26-265; КП 25402/A26-95; КП 25408/18A-36; Никит. 23-64; 22-23-отвал; 25-62; Тр.1988, +2-1099; КП 25402/A26-280; Мих.14-02.
- ²⁹ ГМТР 7719, 5363, 58456, 7733, 6443, 82528, 84752, 76807. СКМ № 737.
- ³⁰ ГИМ № 43968/11 оп.79. №11.
- ³¹ НИАМ/26A-7.
- ³² ГМТР, № 5363, 5427, АА-51-6; СМК, № 39853, №226; БРИАЗ № 22-24, №12-180; ГИМ №58456, 26014; Недашковский Л. Ф. Указ. соч. С. 93. Рис. 23:9-11.
- ³³ Ляхов С. В., Якубовский Л.Ф. Зауморский могильник золотоордынского времени // Археологические вести Саратов, 1993. С.183. Рис. 4,5; Недашковский Л.Ф. Указ. соч. С. 93; Федоров-Давыдов Г. А., Вайнер И. С., Мухамадиев А. Г. Археологическое исследование Царевского городища в 1959–1966 годах // Поволжье в средние века М., 1970. С.165. Табл.IVб.
- ³⁴ Кызласов И. Л. Указ. соч. С. 85. Рис. 6:8. С. 95. Рис. 8, 4; Нагоев А.Х. Указ. соч. С. 159. Рис.1. 16–17; ГЭ № Куб. 705–721; Максимова А. Г. Погребение воина XIV века // Вестник АН КазССР № 6. Алма-Ата, 1965. С. 86. Табл.1–1; Пугаченкова Г. А. Указ. соч. Рис. 3. 1-2; Готтенрот Ф. Указ. соч. Табл. 28,18; ВОКМ. Изв. 31512/26-28; Байпаков К. М. Средневековые погребения в Илийской долине // СА 1973 №2. С.257-258, рис.1-10,2; Кызласов И. Л. Указ. соч. С. 85.
- ³⁵ ГЭ № БМ-1131;
- ³⁶ Недашковский Л.Ф. Указ. соч. С. 94; Спицын А. А. 1906 Древности Камской Чуди // МАР № 26. Табл.VII, 7; Никольская Е. А. Памятники монгольской культуры у села Карги // Східний світ №1. Київ, 1921. С. 151.
- ³⁷ Migeon G. Manuel d'art musulman Vol. II Paris, 1927. P. 10, fig. 215; Троицкая Т. Н. Красный Яр I – памятник позднего железного века // Древние культуры Алтая и западной Сибири Новосибирск, 1975. С. 107; Мурашева В.В. Указ. соч. С. 54.
- ³⁸ Крамаровский М. Г. 2002. С. 265–86; № 2, гл.-20; НГМ КП 42250/A188-186.
- ³⁹ 6-125 №11, гл.-10; НГМ КП 42250/A188-185; 5-86 №10, гл.-20; НГМ КП 42250/A188-184.
- ⁴⁰ 25-94 №203.
- ⁴¹ НГМ КП34232/А 94-421.
- ⁴² Древний Новгород. Прикладное искусство и археология М., 1985. Рис.157.
- ⁴³ ГЭ №БМ-1131 ГМТР, № 5363.
- ⁴⁴ ГЭ № Куб. 705-721.
- ⁴⁵ Ремель И. Л. Искусство Среднего Востока М., 1978, табл.93, 95, 118-119; Сокровища Золотой Орды. СПб., 2000. С. 150. Рис. 6; ГЭ, № 30-762.
- ⁴⁶ 7-1-1740; НГМ КП 17215/29.
- ⁴⁷ НГМ НВ 20505/ Пр.КА94 –48.
- ⁴⁸ НГМ КП 41321/28; НГМ КП35043/435.
- ⁴⁹ 6-14-4.
- ⁵⁰ НГМ КП 25402/A26-663.
- ⁵¹ Недашковский Л.Ф. Указ. соч. 2000. Рис.6:6,17,20,24-26.
- ⁵² Сокровища..., С. 181. Рис. 19,3 а, б. Культура... кат. 13, кат 14, кат.15; ВОКМ, инв. № 3205/61; 5841/1; 29164/1-4, 13-27, 31, 32, 42-79.
- ⁵³ Культура средневековых кочевников и городов Золотой Орды. Каталог. Волгоград, 2001. Рис. 6 а,б; Рис. 7;
- ⁵⁴ ГЭ, № ТБ-175. 180-183, 185, 187–189.
- ⁵⁵ 2-9-112; НГМ 25293/A5-46.
- ⁵⁶ Седова М. В. Указ. соч. С. 424, 438. ГЭ №ТБ-443, 444; ГРМ №БК-3348; ГЭ № Ар-741.
- ⁵⁷ Diener J. Ungarn um die Zeit der Landnahme Budapest, 1972 №42,43; Даркевич В.П. Светское искусство Византии М., 1975. С. 56-58. Рис. 74,75,78,79.
- ⁵⁸ ГЭ № Куб.705-721
- ⁵⁹ ГЭ № Куб.705-721; Крамаровский М. Г. Восток и Запад в истории и культуре Золотой Орды (по материалам чингизидской торевтики XIII–XIV веков). Диссертация в виде научного доклада. СПб., 2002. С. 24–25.
- ⁶⁰ ГЭ №Чм-1199, №Чм-12.

А. М. Степанов

«КОСТЯНЫЕ ЦИЛИНДРЫ»

В фондах археологии Новгородского музея-заповедника хранятся двенадцать предметов, найденных на разных раскопках в Великом Новгороде. К ним всем подходит довольно точное описание, предложенное П. Г. Гайдуковым при публикации подобной находки с Нутиного раскопа: «Костяной стержень длиной 4,5 см обнаружен в слое